

Нестер Наталья Васильевна
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
e-mail: n.nester@psu.by

**Стихотворение Катулла «Odi et amo»
и особенности его передачи на белорусский язык**

***Аннотация.** Рассматривается LXXXV стихотворение римского поэта Гая Валерия Катулла в контексте белорусской поэтической традиции. Анализируются имеющиеся переводы данного двустишия на белорусский язык. Отмечается своеобразие восприятия лирического героя Катулла в переводах В. Короткевича, Л. Борщевского, А.Ф. Брыля.*

***Ключевые слова:** Odi et amo, Катулл, элегический дистих, двустишие, эпиграмма, перевод, переложение, подражание.*

***Abstract.** The LXXXV poem by the Roman poet Gaius Valerius Catullus is considered in the context of the Belarusian poetic tradition. The available translations of this couplet into Belarusian are analyzed. The peculiarity of the perception of the Catullus' lyrical hero in the V. Korotkevich's, L. Borshchevsky's, A.F. Bryl's translations is noted.*

***Keywords:** Odi et amo, Catullus, elegiac distichus, couplet, epigram, translation, arrangement, imitation.*

Творчество римского поэта Гая Валерия Катулла (*Gajus Valerius Catullus*, ок. 87 до н.э. – 54 до н.э.) представлено поэтическим сборником, состоящим из 116 стихотворений, различных по размеру. Стихотворение из «Книги Катулла Веронского» является самым маленьким по размеру и представляет собой двустишие, написанное элегическим дистихом и вмещающее четырнадцать слов. Несмотря на то, что эпиграмма «Odi et amo» находится практически в самом конце катулловского сборника, тем не менее, в ней заключена основная мысль всей книги римского поэта:

«Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris.

Nescio, sed fieri sentio et excrucior» [2].

Основная тема стихотворения задается Катуллом уже в самом начале поэтического текста – «Odi et amo» («И ненавижу и люблю»). Латинский глагол «odi» относится к числу недостаточных глаголов (*Verba Defectiva*), имеющих перфектные формы, при этом перфектное время данного глагола имеет значение настоящего времени. Таким образом, чувства, испытываемые лирическим героем, имеют некоторую временную протяженность и подтверждают факт наличия пограничных

чувств ненависти и любви в данный момент или вообще. Тема, заданная Катуллом в данном стихотворении, имеет надвременной характер и передает те чувства, которые может испытывать каждый человек как в данный момент, так и на протяжении всей жизни. Т.е. можно говорить о повторяющемся эффекте ненависти-любви в контексте данного стихотворения.

В поэтическом тексте «Катулл противопоставляет два полярных понятия – «ненависть» и «любовь», при этом выбирает для передачи этих разных по значению слов именно глагольную форму, которая позволяет выразить его отношение к возлюбленной в действии, в динамике. То сомнение, которое мучительно испытывает его чувство, не оставляет его в покое, не дает ему никакой надежды на то, что все еще, быть может, вернется. Однако объект его вожделения совершил поступок, не позволяющий ему до конца верить в то, что чувство к ней останется прежним. Тот вопрос, который адресует лирический герой Катулла самому себе, как бы «повисает в воздухе» и перерастает в риторический вопрос к возлюбленной: «Почему я так поступаю, может быть, ты спросишь», на который он совсем не ждет ответа» [2, с. 51].

Слово «*quare*» («почему»), открывающее предложение, может рассматриваться как риторический вопрос: «*Quare id faciam*» (букв. «Почему я делаю это»). При этом Катулл не добавляет в конце предложения вопросительный знак, он использует запятую, словно не желая акцентировать внимание на поступках лирического героя. Катулловский герой не ждет на него ответа, скорее, высказывает сомнение по поводу испытываемых им чувств и в надежде добавляет: «*fortasse requiris*» (букв. «возможно, ты спросишь»). Таким образом, уверенно заданная Катуллом в начале строки тема стихотворения, сменяется сомнением – «Почему эти два полярных чувства живут во мне? Как такое возможно? и «Может быть, это кому-то интересно?». Здесь появляется адресат, к которому лирический герой обращается с вопросом. Поэтому можем констатировать, что это своего рода послание, т.е. лирический герой – не один на один с испытываемыми им чувствами, с ним рядом находится человек, у которого он хочет заручиться поддержкой в собственной неуверенности и расставить все точки над «и».

Вторая строка стихотворения открывается ответом лирического героя на собственный вопрос – «*Nescio*» (букв. «Я не знаю»), за которым следует пояснение – *sed fieri sentio et excrucior* (букв. «но бывает/случается чувствую и страдаю»). Т.е. испытываемые им чувства приносят ему не только приятные моменты, но и страдания. При этом лирический герой не отдает предпочтение чему-то одному, для него это одно и то же – нет ненависти без любви и любви без ненависти. Следует обратить внимание, что переживания лирического героя описываются автором при помощи глагольных форм – именно они придают динамику поэтическому тексту, привносят в него движение, даже без помощи дополнительных средств – знаков препинания и средств художественной выразительности.

Следует отметить, что «если лирический герой Катулла все еще сомневается, и это сомнение присутствует и в его ответе «Я не знаю» и в отсутствии ответа на поставленный им самим же вопрос «..., но так чувствую и страдаю». Страдания лирического героя объясняются его неведением, его незнанием, неопределенностью того, что он по-настоящему испытывает к возлюбленной. Устанавливая для себя границу пределов любовной страсти, Катулл не наслаждается ее приступом, а страшится любовной страсти, поэтому так резко обрывает рассуждение о нем» [2, с. 51].

Данное стихотворение Катулла привлекало и привлекает огромное количество переводчиков, в том числе и белорусских. Одним из первых обратил внимание на данное стихотворение Катулла В. Короткевич:

«Хоць ненавіджу – кахаю. «Як гэта магчыма?» – спытаеш.
Не растлумачу, але сэрца ў смяротнай тузе» [3, с. 55].

В варианте белорусского поэта и переводчика произведение имеет подзаголовок, соответствующий первому предложению в поэтическом тексте – «Хоць ненавіджу – кахаю». В данном случае используется уступительный союз «хаця», словно противопоставляя одно чувство другому, кроме того, В. Короткевич использует также тире, словно разделяя ненависть и любовь, в то время как в катулловском тексте наличествует одновременность испытываемых лирическим героем чувств. При этом риторический вопрос, отсутствующий в стихотворении Катулла, появляется в варианте В. Короткевича, и позволяет предположить, что, возможно, возлюбленная задаст подобный вопрос.

Неведение, незнание лирического героя Катулла трансформируется в переводе В. Короткевича в невозможность дать объяснение ненависти-любви. При этом чувства и страдания катулловского героя («sed fieri sentio et excrucior») проявляются в предсмертном состоянии героя В. Короткевича – «але сэрца ў смяротнай тузе». Таким образом, у В. Короткевича страдающее от любовных переживаний сердце лирического героя сродни его предсмертному состоянию.

В переводе Л. Борщевского данное стихотворение выглядит следующим образом:

«I ненавіджу й люблю. Як так? Дарэмна пытаеш.
Не адкажу – адчуваю й моцна пакутую з тым» [4, с. 19].

При этом адресат лирического героя Катулла словно вторгается в поэтический текст и начинает задавать вопросы: «Як так?». Сам лирический герой отвечает на заданный вопрос: «Дарэмна пытаеш», в то время как у Катулла лишь высказывается сомнение по поводу вопроса, последующего со стороны адресата: «fortasse requiris». Незнание, неуверенность лирического героя Катулла («Nescio») сменяется невозможность ответа на заданный вопрос: «Не адкажу». При этом переводчик усиливает страдания лирического героя, используя форму наречия «моцна пакутую» (Курсив наш. – Н.Н.), словно усиливая при этом его страдания.

Из последних переводов катулловского стихотворения на белорусский язык следует отметить перевод А.Ф. Брыля, вышедший в серии «Поэты планеты» наряду с другими избранными стихотворениями римского поэта:

«Я ненавіджу і з тым – кахаю; чаму, ты спытаеш?

Ведаю толькі, што так стала, і я на крыжы» [5, с. 52].

Тире в первой части предложения «Я ненавіджу і з тым – кахаю» словно отдаляет друг от друга ненависть и любовь, в то время как у Катулла – эти чувства лирический герой испытывает одновременно, для него это одно целое. Теряется при переводе и сомнение «чаму, ты спытаеш?» (в данном случае лирический герой ощущает уверенность в том, что полярные чувства вызовут ответную реакцию), которое испытывает лирический герой Катулла – задаст ли ему вопрос его адресат. Незнание лирического героя Катулла (*Nescio*) сменяется уверенностью в осознании собственных чувств: «Ведаю толькі, што так стала». Латинский глагол «*excrucior*» превращается в «крыж» («і я на крыжы»), за которым угадывается образ Христа, распятого на кресте. Таким образом, в данном переводе появляется лирический герой, уверенный и страдающий, точно знающий, что с ним происходит, что он получит ответы на собственные вопросы. Кроме того, чувства, испытываемые лирическим героем, являются последовательным результатом цепочки событий в жизни героя – сразу он ненавидит, потом он любит, в то время как катулловский герой испытывает данные переживания одновременно.

Таким образом, столкновение противоположных чувств предельно коротко выражено в LXXXV эпиграмме из катулловского сборника, имеющей название «*Odi et amo*». Двустипшие, написанное римским поэтом элегическим дистихом, включает в себе емкое описание чувств и переживаний лирического героя. Относительно данного поэтического текста М.Г. Гаспаров пишет: «Если бы знаменитое «Ненавижу и люблю» было написано лирическим размером, он повторил бы это «ненавижу и люблю» раза три на разные лады, ничего не добавляя, кроме восклицательных знаков, и стихотворение получилось бы всем на радость. Но он пишет его дистихом, он не изливает свое чувство, а задумывается над ним – «почему и люблю, и ненавижу?» – он огорчен оттого, что не может этого объяснить в двух строчках» [6, с. 175].

Данное стихотворение Катулла имеет огромное количество переложений, подражаний, переводов на разные языки мира. В белорусской поэтической традиции данное стихотворение представлено как минимум тремя вариантами – В. Короткевича, Л. Борщевского и А.Ф. Брыля. Несмотря на то, что переводчики сохраняют и объем произведения, и его стихотворный размер – элегический дистих, тем не менее, создают, скорее не переводы, а переложения катулловского поэтического текста. Во всех вариантах-вариациях эпиграммы римского поэта прослеживается своеобразие восприятие образа лирического героя и его душевных

переживаний, при этом контрастное противопоставление ненависти и любви в оригинальном тексте либо теряется при переводе, либо нивелируется, передавая последовательную смену чувства лирического героя – от ненависти до любви.

Литература

1. Catullus, C. Valerius. Poetry / C.V. Catullus. – Mode of access: <http://www.thelatinlibrary.com/catullus.shtml>. – Date of access: 15.11.2023.
2. Нестер, Н.В. Наследие Катулла в творчестве Эзры Паунда / Н.В. Нестер // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия А. – 2017. – № 2. – С. 50–54.
3. Караткевіч, У.С. Збор твораў. У 25 т. Т. 15. Пераклады і аўтапераклады Уладзіміра Караткевіча ; падрыхт. Тэкстаў, камент. і паслясл. Анатоля Вераб'я ; рэд. тома Вячаслаў Рагойша / У. С. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ-ра, 2017. – 734 с.
4. І боль, і прыгажосць... : выбраныя творы паэтаў Еўропы і Амерыкі ў перакладах Лявона Баршчэўскага. – Мінск : Выдавец Зміцер Колас, 2016. – 454 с.
5. Катул, Г.В. Выбраныя вершы / Гай Валерый Катулл; пер. з лацінскай Антона Францішка Брыля. – Мінск : Выдавец Зміцер Колас, 2017. – 76 с.
6. Гаспаров, М.Л. Поэзия Катулла / М.Л. Гаспаров // Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений. – М. : Наука, 1986. – С. 155–207.